

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-38-51

УДК 1:3; 001.8:3

ОТ СОЦИАЛЬНО-ПРОБЛЕМНОГО К РИСКПРОГНОЗНОМУ АНАЛИЗУ: СОВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Самсонов Всеволод Владимирович,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Института философии и права СО РАН,

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: 0000-0002-0231-2759

highbook@yandex.ru

Аннотация

В работе исследуется трансформация понятийно-концептуального аппарата современных социальных наук, характеризующаяся сдвигом от социально-проблемного к рископрогностному анализу социальных трансформаций. Показано, что данные концептуальные теоретические изменения обусловлены внутренней логикой развития социологии, постепенно перешедшей в анализе социальных явлений от изучения неблагоприятных эффектов социальных изменений и симптомов социальных отклонений к причинам, порождающим социально-проблемные ситуации.

Подход, основанный на личной ответственности «проблемных» индивидов и социальных групп за свое исключение из нормальной социальной жизни, сформировался в рамках социальной психологии и задается медико-криминологической моделью, утверждающей существование «универсальных критериев нормальности» и, соответственно, стандартов поведения. В рамках этого подхода, особо отчетливо проявившегося в социалдарвинизме, основной фокус проблемно-ориентированных исследований сосредоточен на внешних симптомах социальных недугов (сформировавшихся проблемных ситуациях) и «отклоняющемся поведении» отдельных индивидов и социальных групп или факторах их неудачной социализации, трактуемых как источник социальных проблем. Теоретический и практический анализ показывают оправданность и логичность современного поворота в понимании социальных проблем, который характеризуется сдвигом фокуса исследований на институционально-системный уровень, генерирующий условия для воспроизводства социальных отклонений и деприваций.

Анализ рисков в сугубо социологической перспективе напрямую, на наш взгляд, перенимает эстафету развития проблемно-ориентирован-

ных исследований в социальных науках. Современная социология рисков сформировалась в рамках критической рефлексии над идеями У. Бека (понимавшего риск как рациональную стратегию преобразования неопределенности в определенность) и представлена социокультурным, конструктивистским, неинституциональным и управленческим подходами. Объединяет их то, что риски трактуются как продукты социальных взаимодействий, которые глубоко погружены в социальные структуры, зависимы от внешнего контекста и условий формирования субъективных представлений о рисках, а степень подверженности рискам различных социальных групп определяется их местом в социальной иерархии общества. Критическое направление в теории рисков, сфокусированное на проблеме взаимосвязи рисков и системно-институционального устройства общества, особо подчеркивает диспропорциональную уязвимость к рискам различных социальных групп, основывающуюся на социально-структурном неравенстве, а также несовершенство организационных структур, создаваемых для минимизации рисков, и обусловленную их большей приспособленностью к сложившемуся институциональному дизайну системы, чем к вызовам, с которыми они сталкиваются в силу специфики своей деятельности.

Ключевые слова: социальные проблемы и отклонения, институциональные эффекты, факторы, социокультурные детерминанты, социальные риски, неопределенность, прогноз.

Библиографическое описание для цитирования:

Самсонов В.В. От социально-проблемного к рископрогнозному анализу: современные изменения понятийного аппарата социальных наук // Идеи и идеалы. – 2018. – № 3, т. 1. – С. 38–51. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-38-51.

Масштабные трансформации современной эпохи, затрагивающие как глобальный, так и локальные уровни социальной реальности, требуют для своего адекватного осмысления и описания соответствующего изменения методологии и даже языка научного анализа (концептуально-методологических рамок исследований, их «фреймов»). Одним из слабо отрефлектированных аспектов трансформации парадигмы социальных наук, адекватной новым практическим запросам, выступает изменение понятийного научного аппарата, в частности, характеризующееся сдвигом фокуса анализа от социальных проблем и отклонений (девиаций) к концептам неопределенности и риска. Складывается такая ситуация, что в последние десятилетия практически не появляются новые исследования, в названиях которых фигурируют понятия проблем и девиации, и это позволяет некоторым современным аналитикам-методологам говорить об упадке или даже смерти соответствующей исследовательской специализации [9]. И если социальные проблемы и социальные отклонения подробно рассматриваются преимущественно в справочной и учебной литературе, то концепция рисков является одним из главных направлений социально-теоретических иссле-

дований, а факторы риска и неопределенности выступают неотъемлемым атрибутом значительной части современных аналитических исследовательских моделей. Один из ведущих социальных мыслителей современности Энтони Гидденс, описывая анализируемые в данной работе изменения социально-теоретической рефлексии, писал: «...в условиях современности как для обывателей, так и для экспертов-специалистов в какой-либо области мыслить в понятиях риска и оценки риска стало более или менее постоянным занятием, отчасти даже незаметным» [2, с. 119].

Как представляется, сдвиг социальных наук от социально-проблемного к рископрогнозному анализу определяется не только возросшими запросами к практической ценности исследований (если выявление проблем носит скорее констатирующий характер и, как правило, фиксирует негативные эффекты уже реализованных мероприятий, то анализ рисков имеет прогнозный характер и направлен на предотвращение возможных негативных последствий). Как будет показано далее, данный методологически-концептуальный поворот предопределен эволюцией в социологическом понимании социальных проблем – т. е. поворот социального теоретизирования от проблем к рискам в значительной степени обусловлен внутренней логикой развития научного знания.

Первоначально понимание проблем в социологии и социальной психологии задается медицинской моделью, утверждающей существование «универсальных критериев нормальности» и, соответственно, стандартов поведения. В узких рамках такого подхода социальные проблемы связаны с «отклоняющимся» поведением индивидов или определенных социальных групп, нарушающим нормы, вследствие «умственной ограниченности, психического расстройства, недостатка образования или неполной социализации» [5, р. 6–7]. Иными словами, такой подход связывал социальные проблемы с недостатками отдельных субъектов, с их патологиями, которые рассматриваются как источник неприятностей. Подобное понимание близко к обыденному восприятию, наделяющему нарушаемый социальный порядок «аурой непогрешимости», освященной традициями и обычаями, связанными с системой, позицией «большинства», полагающего себя законопослушным и действующим «правильно», в отличие от девиантов, которые вследствие необычных биографических обстоятельств (несчастных случаев, болезней, личных недостатков, недостатков характера или «плохого» воспитания), собственно, и являются проблемой.

Подход, основанный на личной ответственности «проблемных» индивидов и социальных групп за свое исключение из нормальной социальной жизни, воспринимается впоследствии социал-дарвинизмом, пытающимся применить эволюционно-адаптационную схему Чарльза Дарвина к социальному миру. Суть социально-дарвинистской точки зрения заклю-

чается в том, что расы, культуры или социальные группы, занимающие высшие позиции в социальной иерархии, заслуживают этого, поскольку они в наибольшей степени уместно отвечают на вызовы среды. Герберт Спенсер, один из видных представителей социал-дарвинизма, фактически воспроизводил бытовые стереотипы («бедные ленивы, поэтому и бедны»), когда утверждал, что «бедные бедны, потому что они не адаптированы», а «нищета – это способ природы устранять... нездоровых, слабоумных, медлительных, колеблющихся членов общества, чтобы освободить место для успешно адаптирующихся» [Гам же, р. 170]. Социальные дарвинисты выступали противниками программ социальной поддержки, поскольку они увековечивают существование «непригодной» группы, которая, вероятно, исчезнет в случае сокращения помощи ей от общества (а вместе с ними – и те проблемы, которые она олицетворяет).

Современные социологи, критикующие редукцию социальных проблем к личной или групповой ответственности «отклоняющихся» субъектов, указывают на вполне очевидные недостатки такого подхода, концентрирующегося на симптомах социальных проблем, а не на самих проблемах и упускающего из внимания институты и условия, генерирующие отклонения, освобождающие экономические и властные организации, систему образования (как и другие системные учреждения) от всякой ответственности. Подход, возлагающий всю вину на индивида или «проблемную» социальную группу, игнорирует деформации, вызванные неравенствами внутри системы, поэтому «концентрация [исследовательского – В.С.] внимания на бедных при одновременном игнорировании систем власти, привилегий и прибыли, делающих их бедными, отчасти напоминает обвинение в убийстве» [Гам же, р. 16].

«Сосредоточив внимание на тех, кто отклоняется, мы часто забываем о роли властного сообщества <...>

Мы изучаем преступника вместо закона или тюремной системы, стремящихся увековечить преступление.

Мы тщательно изучаем психически больных, а не качество жизни или социальные программы, которые изначально вызывают психическое расстройство. Мы отказываемся от исследования роли социальных институтов, которые в конечном итоге устраняются от всякой ответственности, выбрасывая больных на улицу, чтобы “сэкономить бюджет”.

Мы изучаем культуру бедных, а не характеристики богатых.

Мы исследуем отклонения обучающихся и вину их семьи, а не недостатки системы образования.

Мы изучаем характеристики и последствия бедности, а не социальную структуру, которая создает условия, позволяющие существовать такому депривированному состоянию, как бедность» [11].

Неадекватность «личностного подхода» к объяснению социальных проблем современного общества имеет не только теоретическое значение, она ярко проявляется в дисфункциях и практических неудачах традиционных политик и программ, направленных на борьбу с общественными пороками и ориентированных на контроль над девиантными субъектами, их перевоспитание, реабилитацию или психотерапию. Наиболее яркими (и наиболее активно критикуемыми специалистами) образцами здесь выступают традиционная антинаркотическая политика (ужесточение которой вызывает лишь усложнение соответствующих проблем) и общепризнанный провал традиционной пенитенциарной системы (порождающей такое явление, как рецидивизм преступности, показатели которого повсеместно крайне высоки).

Таким образом, и теоретический, и практический анализ показывает оправданность и логичность современного поворота в понимании социальных проблем, который характеризуется сдвигом фокуса исследований на институционально-системный уровень, генерирующий условия для воспроизводства социальных отклонений и деприваций. Ключевым условием системного переосмысления социальных проблем, анализ которых теперь обязательно включает в себя условия, генерирующие психологические и материальные депривации для определенной категории индивидов, — является социологическое воображение, позволяющее «связать воедино индивидуальные переживания, опыт и более масштабное видение общества, а также осознать, что индивидуальные обстоятельства неразрывно связаны со структурным устройством социума» [9, р. 7]. Если обычно люди не могут осознать взаимосвязь своего биографического опыта и хода мировой истории, проблем своей повседневной жизни и институциональных противоречий, то воображение социолога стимулируется стремлением рассматривать социальный мир с точки зрения других, что позволяет переходить от мыслей об индивиде и его проблемах к сосредоточению на социальных, экономических и исторических обстоятельствах, которые порождают проблемы.

Социологическое воображение позволяет выработать социально-системную трактовку предмета проблемно-ориентированных исследований, которые теперь понимаются как совокупность контекстуальных факторов более общего порядка, чем сфера опыта и ответственности отдельных индивидов и групп, которые генерируют социальные депривации и отклонения.

Переход к исследованию институциональных и социокультурных детерминант, порождающих социальные проблемы, логически подводит нас к переходу концептуального аппарата социальных наук к понятиям риска и неопределенности. И наоборот, анализ рисков в сугубо социологи-

ческой перспективе напрямую, на наш взгляд, перенимает эстафету развития проблемно-ориентированных исследований в социальных науках. При этом социологический подход к исследованиям рисков (даже имеющих на первый взгляд весьма отдаленное отношение к сугубо социальной проблематике, например, технологических последствий промышленного развития или уязвимости отдельных социально-территориальных групп к последствиям природных катастроф) – также является плодом эволюции теории риска в современном обществе.

Самый известный подход к изучению рисков в современной науке задан концепцией «общества риска» У. Бека [1], взгляды которого первоначально оказали очень важное влияние, но впоследствии были подвергнуты серьезной критике как в плане концептуальной ограниченности, так и с точки зрения неполноты эмпирических исследований, базирующихся на идеях Бека. Концепция «общества риска» основывается на рефлексии сущностных, онтологических изменений, сопровождающих модерн, таких как конец недвусмысленности и возвращение неопределенности. В таких условиях центральный вопрос теории и практики заключается в том, какие стратегии позволяют управлять этим неопределенным будущим. Мы должны понимать, что риск (определяемый как стратегия, относящаяся к инструментальной рациональности) – единственный возможный ответ на неопределенность, который репрезентирует наши попытки упорядочить мир неопределенного, делая «неисчисляемое измеримым» [Там же, с. 181]. Определенность понимается как форма, в которой неопределенность и определенность сопряжены для того, чтобы люди, институты или общества могли действовать.

Основная критика концепции У. Бека состоит в том, что «риск» в его работах понимается преимущественно как технические и экологические последствия современного этапа индустриализации, а управление рисками ограничено ответами на ее непредвиденные эффекты и основывается на идее калькуляции, широкого использования статистических методов, позволяющих задать неопределенности, порождаемой модерном, определенные рамки. (Путем исчисления вариантов поведения какой-либо сложной системы в критической ситуации как набора ее нежелательных состояний (отказов системы), анализируемых путем объединения последовательности нижестоящих событий).

По мнению критиков, такое понимание не в состоянии охватить более общие тренды социального развития и осмыслить современные формы риск-менеджмента как определенные исторически конкретные стратегии управления неопределенностью. Более того, скорее опыт неопределенности должен быть принят как фундаментальная характеристика современности, а технологии управления рисками не могут развиваться исходя из

принципа полной рациональности, без какой-либо ссылки на социальный контекст. Адекватное понимание может быть достигнуто, только если мы фокусируем наше исследование на неопределенности, двусмысленности, случайности и контекстных вариациях вместо определенности, недвусмысленности, комплексности, инвариантности [4]. В такой перспективе «определенность/безопасность» трактуется как контекстно-зависимый социальный конструкт, определяемый не генерализованной рациональностью, но вариативными специфическими распределениями. А задача социологии риска состоит в том, чтобы оценить социальные профили различных траекторий для того, чтобы работать с рисками в различных социальных контекстах (при осознании того, что риск – лишь одна стратегия из многих других, позволяющих трансформировать неопределенность в ожиданиях будущего в нечто рационализируемое, управляемое).

Кроме того, планы и проекты трансформации неопределенности в определенность должны подвергнуться экспертизе, для того чтобы оценить, как будут проходить процессы таких преобразований и каковы будут последствия (что на практике означает, что экспертиза должна включать в себя исследование самого широкого спектра возможных эффектов планируемых мероприятий, задаваемого воздействиями на все возможные риск-проблемные точки реформируемой сферы общества, с учетом возрастания неопределенности и противоречий в них, чтобы не получить на выходе «неожиданные результаты» или еще больший уровень рисков).

Критическое направление, восходящее к социально-политическим взглядам Мишеля Фуко и сосредоточенное на системно-властных аспектах формирования концепта риска (подход *governmentality*), оспаривает узкое, восходящее к У. Беку представление о рисках постольку, поскольку оно упускает значение неопределенности как «характерной модальности либерального управления», с уважением относящегося к «позитивной и инициативной сторонам рисков». На социетальном уровне некоторые авторы, придерживающиеся данного политико-критического подхода, интерпретируют риск как новый метанарратив, связанный с (нео)либеральными проектами управления. Осознание риска как стержневого компонента новой социальной онтологии и внимание к риску представляются базовыми функциями изменений в социальной политике, сдвига от коммунитарных ценностей к предпочтению индивидуального выбора и основанного на нем действия. Новый акцент отражает социальные и культурные изменения, которые отдают приоритет конструированию самоидентичности и образу жизни, отрицающему коллективистский идеал государства всеобщего благоденствия. Соответствующие исследования в различных сферах (главным образом уголовная политика, социальное обеспечение и политика в области здравоохранения) демонстрируют, как изменение институци-

ональной политики и публичного дискурса таким образом трансформирует социальные проблемы и риски, что состояние опасности предстает как что-то нуждающееся в индивидуальных ответах [8].

Современная социология рисков представлена социокультурным, конструктивистским, неинституциональным, управленческим подходами. Объединяет их то, что риски трактуются как продукты социальных взаимодействий, которые глубоко погружены в социальные структуры, зависимы от внешнего контекста, а степень уязвимости различных социальных групп определяется их местом в социальной иерархии общества. Современная социология риска испытывает значительное влияние социального конструктивизма. Так, представители социокультурного подхода, развивая концепцию «культуры риска», настаивают на том, что «представления и поэтому способы индивидуального обращения с рисками в повседневной жизни неизбежно опосредованы через членство в культурах и субкультурах, так же как через личный опыт. Знания о риске поэтому являются историческими и локальными. То, что мы могли бы воспринимать, как “рисковое” в одну эпоху в определенной локальности, больше не может так же рассматриваться в более поздний период, или в другом месте. Подытоживая знания о риске неизменно контекстны и оспоримы – в отношении их характера, контроля над ними и относительно виновников их возникновения» [10, р. 47]. Субъекты риска находятся под сильным влиянием своего культурного контекста и вырабатывают свое собственное знание о рисках, обращаясь к различным конкурирующим, а иногда и противоречащим друг другу системам знаний, которые доступны им в различных жизненных ситуациях. Люди создают это «частное» знание на основании своего жизненного опыта и во взаимодействии с контекстами, другими людьми, под влиянием СМИ, экспертного и научного знания, при этом экспертное знание – только один ориентир среди других. Вдобавок эти процессы включены в производство собственных идентичностей, которые, в свою очередь, эмоционально и эстетически включены в повседневную жизнь человека. Кроме того, формирование идентичности имеет большое влияние на способы, которыми люди чувствуют и рискуют. Таким образом, такое рискованное поведение, как курение, может быть понято в контексте идентичности и членства в социальных группах. Социально-структурные факторы социального класса, пола, этнической принадлежности, рассматриваемые как источник ресурсов и власти (или же как причина их нехватки), как предполагается, влияют на восприятие риска и поведение, предопределяя различные результаты в различных контекстах. Поскольку риски многомерны, то и рискованное поведение может быть в чем-то оценено положительно, а в чем-то отрицательно [13].

Наиболее общее понятие социального риска отражает меру опасности ситуаций, в которых имеются потенциальные факторы, способные неблагоприятно воздействовать на человека, общество и природу, но каждая форма социальной жизни в определенный период времени имеет собственный «портфель», или набор рисков, однако их состояние в первую очередь зависит от паттернов развития региональных/локальных социальных систем. Эмпирические исследования рисков сконцентрированы на анализе взаимосвязей между бедностью, риском и развитием, технологическими инновациями [7]. Отмечается, что общие категории риска относятся ко всем обществам, однако набор и острота рисков различаются в зависимости от уровня развития общества или места социальной группы и индивидов в глобальной социально-властной иерархии. Хотя риски и становятся универсальными, социально-структурная дифференциация предопределяет (впрочем, как и всегда) «притяжение» рисков и социальных лишений к полюсу бедности: «Бедность притягивает к себе несчастливый избыток рисков» (У. Бек). «Риски концентрируются в бедных государствах, богатство же может купить себе большую безопасность. Более того, богатые государства выигрывают от рисков, которые они же и порождают, например, создавая и продавая технологии, способствующие предотвращению рисков или преодолению их неблагоприятных последствий» [3, с. 39].

Факторы риска, связанные с изоляцией большинства бедных сообществ в отсталых странах, простираются от экологических опасностей до институциональных (обуславливающих широкие масштабы занятости в незащищенном неформальном секторе и неустойчивость локальных/региональных экономик, коррумпированность, некомпетентность управленческих систем) и сугубо экономических условий (ограниченная интеграция рынков). Социальные риски образуются взаимодействием четырех измерений: демографии, рынка труда, системы благосостояния, социальных взаимосвязей.

При этом не только отсталые экономики развивающихся стран более подвержены рискам, но и бедное население этих государств имеет меньше возможностей для адаптации. Критическое направление в современных социальных науках, акцентирующее внимание на социально-властных противоречиях в социуме, подчеркивает роль различного рода неравенств в создании и воспроизводстве уязвимостей и опасностей для «групп риска» как «результата взаимодействия между рисками и властью». Например, ураган «Катрина» в США в 2005 г. привел к непропорциональному разрушению имущества и гибели представителей различных групп населения, учитывая их классовую, этническую и гендерную дифференциацию. Последствия этой природной катастрофы (казалось бы, чрезвычайного события, независимого от воли людей) иллюстрируют,

«гневное воплощение» социальной обусловленности уязвимостей к рискам, «поскольку катастрофы не поднимаются из вакуума, но постепенно и повседневно формируются политическими, социальными и экономическими силами, контролирующими общественную сферу» [7]. Что еще более важно, этот пример показывает, что имеющие социальный характер риски могут проявляться как чрезвычайные события, на первый взгляд не имеющие никакой связи с пороками социально-властной системы, а также демонстрирует дисфункции учреждений и организаций, создаваемых для минимизации рисков и их опасных последствий, их неадекватность возлагаемым на них задачам – глубинно связанную с институциональным, властным устройством общества.

Можно отметить, что некоторые катастрофические события, произошедшие в нашей стране в 2018 г., подтверждают обоснованность социально-критического дискурса в исследованиях риска, причем оба основных тезиса критического направления (как о диспропорциональной уязвимости к рискам различных социальных групп, основывающейся на социально-структурном неравенстве, так и о неадекватности действий в чрезвычайных ситуациях учреждений и организаций, создаваемых для минимизации рисков, что обусловлено факторами несовершенства организационных структур, более приспособленных к сложившемуся институциональному дизайну системы, чем к вызовам, с которыми они сталкиваются в силу специфики своей деятельности). Так, во время пожара в ТРЦ «Зимняя вишня» в г. Кемерово наибольшее число жертв оказалось среди воспитанников сельских школ, хотя в сельской местности проживает около 20 % населения области. Чтобы понять, что гибель именно сельских детей в торгово-развлекательном центре, построенном и функционирующем с нарушениями правил безопасности (позволяющими снижать себестоимость товаров и услуг, реализуемых в нем), не является абсолютной случайностью, следует иметь в виду, что именно жители сельской местности сталкиваются с проблемами и рисками, обусловленными двойной сегрегацией (как по отраслевому – самая низкая заработная плата в стране у работников сельского хозяйства, так и по территориальному признаку: жизнь российской деревни традиционно характеризуется низким уровнем развития социальной инфраструктуры и досуговой сферы, а в современной ситуации неравенство жизненных возможностей между жителями города и села только усилилось). Иными словами, диспропорциональное число жертв среди представителей одной из наиболее депривированных социально-территориальных групп населения (к тому же еще и с ограниченными в силу возраста дееспособностью и возможностями) при пользовании услугами предприятия, умышленно снижающего требования к безопасности клиентов в погоне за снижением себестоимости своих услуг (и

максимальным охватом клиентов), представляется скорее результатом статистического распределения, чем просто случайностью.

Кризис, развернувшийся весной этого года в Подмосковье, связанный с проблемой утилизации мусора, производимого жителями Москвы (наиболее крупного и обеспеченного мегаполиса страны), дает другой пример (при этом более очевидный) диспропорционального распределения социальных проблем и рисков среди различных социально-территориальных групп населения, их социально-структурного неравенства и дисфункций институтов по управлению рисками. С одной стороны, ситуация характеризуется явным неравенством распределения экологических рисков, вызванных жизнедеятельностью «большого города» и переносимых на жителей депрессивной провинции, а с другой стороны, ситуация свидетельствует о системном характере данного кризиса (укорененного в сложившейся системе взаимодействия бизнеса и власти) и неспособности соответствующих институтов и организаций оперативно реагировать на чрезвычайные ситуации подобного рода, угрожающие жизни и здоровью широких масс населения, в результате чего кризис приобрел затяжной характер и распространился на соседние регионы.

* * *

Подводя итоги данной работы, можно заключить, что современный поворот социального теоретизирования от проблем к рискам, или от социально-проблемного к рископрогнозному анализу, не только отражает практический запрос на прогностическую оценку развивающихся и планируемых процессов (а не на изучение их последствий и эффектов), но в значительной степени предопределен логикой развития социологического понимания социальных проблем – от социальных отклонений, опасностей и уязвимостей к причинам и условиям, их порождающим (институциональным и социокультурным факторам-детерминантам), т. е. в значительной степени обусловлен внутренней логикой развития научного знания.

При этом относительно перспектив развития концептуально-понятийного аппарата социальных наук можно заметить, что проведенный анализ показывает, на наш взгляд, не только взаимозаменяемость терминологии риско- и проблемно-ориентированных исследований при условии достаточного глубокого и системного анализа явлений, но и, возможно, неудовлетворительность, неадекватность терминологии тем явлениям, которые исследователи ранее пытались осмыслить как «проблемы», а потом как «риски». Сама взаимопроникаемость концептуальных построений, внешне развивающихся из совершенно различных парадигм, может трактоваться как свидетельство их неудовлетворительности для научно-исследователь-

ской рефлексии (в том числе и используемой терминологии), принципиальной неточности и неспособности комплексного отражения изучаемых явлений и процессов. Если наблюдения, сделанные в данной работе, верны, то можно предположить, что в недалеком будущем понятийный аппарат социальных наук ожидает не возвращение к проблемному описанию уязвимостей и отклонений в развитии общества (хотя возможны временные «рецидивы» привычной терминологии), а его пополнение новыми концептуальными конструктами для описания и понимания феноменов, первоначально исследуемых как «проблемы», а позже, в наши дни, – как «риски».

Литература

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 107–134.
3. Нысанбаев А.Н., Дунаев В.Ю. Об инновационных технологиях социально-политического риск-менеджмента в Казахстане // GISAP. Sociological, political and military sciences. – 2013. – № 1. – С. 36–42.
4. Bonß W. Vom Risiko: Unsicherheit und Ungewißheit in der Moderne. – Hamburg: Hamburger Edition, 1995.
5. Eitzen D.S., Baca-Zinn M. Social problems. – 3rd ed. – Boston: Allyn and Bacon, 1986.
6. Fafchamps M. Rural poverty, risk and development. – London: E. Elgar, 2003.
7. Freudenburg W.R., Gramling S.L., Erikson K.T. Katrina: unlearned lessons // World Watch. – 2007. – N 20 (5). – P. 14–19.
8. Kelly P. Youth at Risk: processes of individualisation and responsabilisation in the risk society // Discourse: studies in the cultural politics of education. – 2001. – N 22 (1). – P. 23–33.
9. Kendall D. Social problems in a diverse society. – Boston: Allyn and Bacon, 1998.
10. Lash S. Risk culture // The Risk Society and Beyond. Critical Issues for Social Theory. – London: Thousand Oaks, 2000. – P. 47–62.
11. Long R. Introductory sociology theoretical perspectives [Electronic resource]. – URL: <http://dmc122011.delmar.edu/socsci/rlong/intro/perspect.htm> (accessed: 06.08.2018).
12. Sumner C. The sociology of deviance: an obituary. – New York: Continuum, 1994.
13. Tulloch J., Lupton D. Risk and everyday life. – London: Sage Publications, 2003.

Статья поступила в редакцию 20.04.2018 г.

Статья прошла рецензирование 28.05.2018 г.

FROM SOCIALLY-PROBLEMATIC TO RISK-PROGNOSTIC ANALYSIS: MODERN CHANGES IN THE CONCEPTUAL APPARATUS OF SOCIAL SCIENCES

Samsonov Vsevolod,

Cand. of Sc. (Philosophy),

Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS,

8, Nikolaeva st., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0231-2759

highbook@yandex.ru

Abstract

The paper studies the transformation of the conceptual apparatus of modern social sciences, characterized by a shift from a socially-problematic to a risk-prognostic analysis. The author shows that these conceptual and theoretical changes are conditioned by the internal logic of sociology development, which has gradually transferred in the analysis of social phenomena from the study of unfavorable effects of social changes and symptoms of social deviations to the reasons that cause socially problematic situations.

An approach based on the personal responsibility of “problem” individuals and social groups for their exclusion from normal social life was formed within the framework of social psychology and it is defined by a medical-criminological model that affirms the existence of “universal criteria for normality” and, accordingly, standards of behavior. In the framework of this approach, which was clearly manifested in social Darwinism, the main focus of problem-oriented studies is focused on the external symptoms of social ailments and the “deviant behavior” of individuals and social groups, or factors of their unsuccessful socialization, interpreted as a source of social problems. Theoretical and practical analysis shows consistency of the modern turn in understanding social problems, which is characterized by shifting the focus of research to an institutional-systemic level that generates conditions for the reproduction of social deviations and deprivations.

According to the author, the analysis of risks in a sociological perspective takes over the baton of the development of problem-oriented research in social sciences. Modern sociology of risks was formed within the framework of critical reflection on the ideas of U. Beck (who understands risk as a rational strategy for transformation of uncertainty into certainty) and it is represented by sociocultural, constructivist, neo-institutional, administrative approaches. What unites these approaches is that risks are treated as products of social interactions that are deeply embedded in social structures, dependent on the external context and the conditions for the formation of subjective perceptions of risks, and the degree of vulnerability of different social groups, determined by their place in the social hierarchy of society. The critical direction in risk theory focused on the problem of risks interconnection and a system-institutional arrangement of

society, emphasizes disproportionate vulnerability to the risks of various social groups, based on socio-structural inequalities, as well as imperfection of organizational structures created to minimize risks due to their greater fitness to the established institutional design, than to the challenges that they face due to their specific activities.

Keywords: social problems and deviations, institutional effects, factors, sociocultural determinants, social risks, uncertainty, prognosis.

Bibliographic description for citation:

Samsonov V. From socially-problematic to risk-prognostic analysis: modern changes in the conceptual apparatus of social sciences. *Idey i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 3, vol. 1, pp. 38–51. doi: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-38-51.

References

1. Beck U. *Risk society. Towards a New Modernity*. London, Sage, 1992 (Russ. ed.: Bek U. *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu*. Translated from English. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000).
2. Giddens A. Sud'ba, risk i bezopasnost' [Fate, risk and security]. *Thesis*, 1994, no. 5, pp. 107–134. (In Russian).
3. Nysanbaev A.N., Dunaev V.Yu. Ob innovatsionnykh tekhnologiyakh sotsial'no-politicheskogo risk-menedzhmenta v Kazakhstane [About the innovation technologies of social and political risk management in Kazakhstan]. *GISAP. Sociological, political and military sciences*, 2013, no. 1, pp. 36–42.
4. Bonß W. *Vom Risiko: Unsicherheit und Ungewißheit in der Moderne*. Hamburg, Hamburger Edition, 1995.
5. Eitzen D.S., Baca-Zinn M. *Social problems*. 3rd ed. Boston, Allyn and Bacon, 1986.
6. Fafchamps M. *Rural poverty, risk and development*. London, E. Elgar, 2003.
7. Freudenburg W.R., Gramling S.L., Erikson, K.T. Katrina: unlearned lessons. *World Watch*, 2007, no. 20 (5), pp. 14–19.
8. Kelly P. Youth at Risk: processes of individualisation and responsabilisation in the risk society. *Discourse: studies in the cultural politics of education*, 2001, no 22 (1), pp. 23–33.
9. Kendall D. *Social problems in a diverse society*. Boston, Allyn and Bacon, 1998.
10. Lash S. Risk culture. *The Risk Society and Beyond. Critical Issues for Social Theory*. London, Thousand Oaks, 2000, pp. 47–62.
11. Long R. *Introductory sociology theoretical perspectives*. Available at: <http://dmc122011.delmar.edu/socsci/rlong/intro/perspect.htm> (accessed 06.08.2018).
12. Sumner C. *The sociology of deviance: an obituary*. New York, Continuum, 1994.
13. Tulloch J., Lupton D. *Risk and everyday life*. London, Sage Publications, 2003.

The article was received on 20.04.2018.

The article was reviewed on 28.05.2018.